

С КАКИМ «БАГАЖОМ» ЕХАЛ НА ПАРИЖСКУЮ МИРНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ ВУДРО ВИЛЬСОН?

С.В. Листиков

В статье анализируются идеи президента Вудро Вильсона по решению «русского вопроса» и американского участия в борьбе с распространением большевизма в Европе, с которыми президент в конце 1918 г. отправился в Париж на мирную конференцию. Эта тема представлена в контексте обстоятельств и сил как внутри США, так и в странах Старого Света, становившихся препятствием к осуществлению планов Вильсона по организации послевоенного либерального миропорядка и готовивших его будущее дипломатическое поражение.

Ключевые слова: Вудро Вильсон, «русский вопрос», большевики, союзники, Парижская мирная конференция, продовольственная помощь

The article analyses President Woodrow Wilson's thoughts about the resolution of the «Russian question» as he departed for the Paris Peace Conference at the end of 1918, including American participation in the struggle against spread of Bolshevism in Europe. This theme is examined in the context of the circumstances and forces, in the Old World as well as in the USA, that could prepare Wilson's future diplomatic defeat and prevent the realization of his plans for a postwar world order.

Key words: Woodrow Wilson, «Russian question», Bolsheviks, the Allies, Paris Peace Conference, food relief

Ученые, обращавшиеся к теме подведения итогов Первой мировой войны и роли в них США, Парижской мирной конференции и участия в ней президента В. Вильсона, неизбежно сталкивались с вопросом: каковы были причины судьбоносной неудачи внешнеполитических начинаний лидера заокеанской демократии? Справедливо назывались приверженность президента абстрактной, идеалистической программе послевоенного мироустройства, разбившейся при столкновении с прагматичным подходом европейских оппонентов, а также утратившей поддержку большинства американцев; глубина и острота

кризисных процессов послевоенной Европы, для «лечения» которых вильсоновские «лекарства» оказались слишком слабыми; сложность человеческой природы президента, его глубокая религиозность, психологическое состояние на грани срыва и другие, не менее существенные причины¹. При этом в работах исследователей «проседают» вопросы о том, какое послание народам Европы вез с собой Вильсон и какую роль в нем занимала «русская тема» с ее ставшим неотъемлемым после ноября 1917 г. «большевистским ингредиентом»; насколько зрелой, отточенной была вильсоновская мысль, а значит и способность ее отстаивать?

Четвертого декабря 1918 г. под приветственные крики воодушевленных сограждан из нью-йоркской гавани в Европу вышло судно «Джордж Вашингтон», на борту которого находился президент с командой советников и экспертов. Тринадцатого декабря корабль радостно встречал французский Брест. До начала мирной конференции Вильсон успел прожить некоторое время во Франции, посетить Великобританию и Италию. И всюду — толпы приветствовавших Вильсона людей, приемы и заздравные речи; ведущие европейские политики и дипломаты, обсуждая с заокеанским гостем планы будущего мироустройства, предпочитали откладывать острые дискуссии до мирной конференции².

Этот внешний антураж, однако, скрывал под собой «второе дно». В США Вильсон и его партия сдавали позиции. Президент еще пользовался у сограждан репутацией маститого государственного деятеля и реформатора. Без его лидерства США не сделали бы мощного рывка в обретении экономической и финансовой мощи, не добились бы материального преуспеяния значительной части населения и сплоченности «внутреннего фронта», создания современных армии и флота. Наконец, с Вильсоном и его идеями справедливо связывали рост авторитета и влияния заокеанской демократии в мире.

С другой стороны, в 1917–1918 гг. политический маятник американского общества резко качнулся вправо. Летом–осенью 1918 г. страну накрыло националистической волной. В обстоятельствах преследования инакомыслия неуютно почувствовали себя даже выпустившие

---

¹ См.: Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Научн. рук. В.Л. Мальков. М., 2002. С. 608–624; *Согрин В.В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015. С. 123–134; *Levin N.G.* Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution. N.Y., 1968. P. 123–260; *Link A.* Woodrow Wilson. Revolution, War and Peace. Arlington Heights (IL), 1979. P. 88–103; *Smith T.* America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century. Princeton (NJ), 1994. P. 95–109, etc.

² *MacMillan M.* Peacemakers. The Paris Peace Conference of 1919 and Its Attempt to End War. L., 2002. P. 11–12; *Watworth A.* Woodrow Wilson: In 2 vols. Boston, 1965. Vol. 2. P. 216–235.

«патриотического джинна из бутылки» весной 1917 г. вильсоновские либералы. Влияние же сплотившейся ряды Республиканской партии и ее лидеров — таких как бывший президент США Т. Рузвельт, видные консервативные сенаторы Г.К. Лодж, Дж. Уикс, У. Тафт — увеличивалось. К концу войны в стране все настойчивее звучали требования свертывания этатизма в социально-экономической политике, возвращения к «истинно американским» ценностям» свободного предпринимательства. Усилились тенденция неприятия консерваторами вильсоновского «либерального интернационализма» как основной линии внешней политики, стремление вернуться к традиционному изоляционизму. Одновременно открыто звучали призывы не искать, как задумывал Вильсон, «справедливого мира для всех народов», включая и побежденные, а вместе с союзниками разгромить и наказать Германию³. Консервативные, жесткие подходы к решению внешних и внутренних проблем все более импонировали миллионам американцев, готовившимся к ноябрьским выборам в Конгресс США. В этот решающий момент Вильсон, разрываясь между мировыми заботами (шел процесс подготовки перемирия с Германией) и участием во внутривластной борьбе, допустил ряд серьезных просчетов, негативно сказавшихся на популярности его партии. Пятого ноября демократы потерпели поражение, утратив большинство в обеих палатах Конгресса. Сложилось «разделенное правление», что серьезно ограничило свободу действий главы исполнительной власти и впоследствии не позволило ему осуществить свои внешнеполитические начинания⁴.

На фоне обострившихся внутривластных проблем президент решил лично отправиться в Европу на мирный конгресс. Он готов был уехать с репутацией утратившего доверие большинства граждан и не разобравшегося с политическими оппонентами. Стране предстояло столкнуться с масштабными и острыми проблемами конверсии, перестройки жизни нации «от войны к миру», концепции которой у Белого дома не было. Ожидалось и нарастание социальной конфронтации, особенно в сфере трудовых отношений. Вильсон же жестко следовал своей линии, не включив в состав американской делегации ведущих специалистов-республиканцев по проблемам мировой политики, а именно, сенаторов Г.К. Лоджа и У. Тафта, что не могло не вызвать

---

³ См. подробнее: Война и общество в XX веке. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Отв. ред. С.В. Листиков. М., 2008. С. 321–344; *Kennedy D.M. Over Here: The First World War and American Society. N.Y., 1980, etc.*

⁴ *Adler S. The Congressional Elections of 1918 // The South Atlantic Quarterly. 1937. Vol. 36. October. P. 447–464; Kennedy D.M. Op. cit. P. 232–245, 349.*

резкого недовольства оппозиции⁵. За всеми действиями В. Вильсона при желании можно было увидеть злую волю человека, перестававшего осознавать, чего хочет страна.

Можно было бы предположить, что президент задумал поправить свои дела в США успехами на поприще международной политики. Но ведь и те вызовы, с которыми ему предстояло столкнуться в Старом Свете, были очень жесткими. Там В. Вильсона ждало состязание с изощренной дипломатией европейских политиков, а также острая и многоплановая «русская тема» со все более выпукло обозначавшимся аспектом влияния большевизма на мировые процессы.

Вильсон и входившие в его окружение политики осознавали, что без прекращения кипевшей на огромных пространствах Российского государства кровавой междоусобицы о «мире без войн» на планете и мечтать не приходилось. Напомним, что в конце 1917 — начале 1918 гг. Вильсон искал варианты своего ответа большевикам и в идейных дискуссиях («14 пунктов»), а позднее, летом—осенью 1918 г. примкнул к интервенции союзников. Но результаты оказались неубедительными. Президент, просматривая поступающую от советников и наблюдателей корреспонденцию, задавался вопросом: что делать дальше? В пространном документе, подготовленном «только что вернувшимся из России» атташе по торговле У. Хантингтоном, давался анализ переживавшимся ею революционным потрясениям и проводилась мысль, что только западные демократии и Лига Наций могли принести освобождение русскому народу. Известный предприниматель С. Маккормик решительно высказывался за поддержку белых сил и союзнической интервенции. Возможной альтернативой автор считал создание большевиками, с опорой на «германские мозги и методы организации», мощного реакционного режима. В письме, полученном президентом в начале января 1919 г. от журналиста К. Аккермана после его посещения Сибири, содержался призыв к хозяину Белого дома определиться со своей политикой и либо решительно встать на сторону антибольшевистских сил, либо вывести войска из России. Пока царил неясность и было непонятно, что американские солдаты там делали, а в русском антибольшевистском движении усиливались реакционные веяния — о чем говорило падение 18 ноября эсеровской по преимуще-

---

⁵ *MacMillan M.* Op. cit. P. 14. По мнению входивших в вильсоновскую команду государственных мужей — членов Совета национальной обороны, глав Военно-промышленного управления Б. Баруха, Топливной администрации Г. Гарфильда, одного из руководителей Продовольственной администрации Э. Рикарда и ряда других, переход от войны к миру мог пройти достаточно гладко и не должен был потребовать специального внимания президента. См.: N. Baker to W. Wilson. November 30, 1918 // *The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link. Vol. 53. P. 252–254.* (Далее: PWW.)

ству Директории, торжество военной диктатуры во главе с А.В. Колчаком. Отметим, что по военным и дипломатическим каналам Вильсону поступала объективная информация о сложном положении в Сибири, непростых (если не сказать враждебных) отношениях американских экспедиционных сил во главе с генералом У. Гревсом с японцами, белыми генералами и атаманами⁶.

Так что «рецептов лечения» обострявшейся «русской болезни» давалось много, выбор у президента, с учетом новых реалий конца 1918 г., был немалый. В действительности большевики в экстремальных условиях выстояли и укрепились у власти. Думающие, либеральные политики вроде Вильсона были вынуждены признавать их состоятельность и возрастающую народную поддержку⁷. Все это означало, что президент реалистично оценивал «ленинцев» как опасного и принципиального противника. Он решительно отвергал большевистские социальный эксперимент, военный коммунизм, «красный террор» и особенно претензии «товарищей» на свершение «мировой революции»⁸. Одновременно лидер США слышал звучащий из Москвы альтернативный призыв: памятуя об опыте Бреста, державам-победительницам предлагали диалог и поиски компромисса, в обмен на прекращение интервенции — различные уступки. Поскольку после завершения Первой мировой войны многие мотивы, которыми Вильсон объяснял участие США в этом предприятии, исчезли⁹.

---

⁶ W. Redfield to W. Wilson. November 22, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 170–180; N. Baker to W. Wilson, with Enclosure. November 23, 1918 // Ibid. P. 184–185; N. Baker to W. Wilson. November 30, 1918 // Ibid. P. 254–257; F. Polk to R. Lansing. December 30, 1918 // Ibid. P. 555–556; F. Polk to R. Lansing. January 6, 1919 // Ibid. P. 627–632.

⁷ Тема «В. Вильсон и большевики», при неоднозначной трактовке ее историками, посвящены десятки серьезных исследований. См.: *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. М., 2009. С. 102–163; *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill (NC), L., 1995; *McFadden D.* Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920. N.Y., 1993, etc.

⁸ *Темкин Я.Г., Туполев Б.М.* От Второго к Третьему Интернационалу. М., 1978. С. 215–247; *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или против них? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004. С. 8–65; Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 8–61, и др. Отметим, что ответственным западным политикам в хаосе событий было трудно составить однозначное мнение о том, являлись ли события на сопредельных с Советской Россией западных территориях результатом «так называемого прямого вторжения» или «внутреннего большевистского выступления». Именно так ставился вопрос о ситуации в Польше и Эстонии после ее обсуждения в Лондоне на встрече 27 декабря 1918 г. В. Вильсона, с одной стороны, и Д. Ллойд Джорджа и министра иностранных дел А.Дж. Бальфура — с другой. См.: A Memorandum. Secret. Imperial War Cabinet 47. Draft Minutes of a Meeting held at 10 Downing Street, S.W. December 30, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 561.

⁹ См. в частности: Нота Уполномоченного Советского Правительства в Стокгольме М.М. Литвинова на имя Президента США Вильсона. 24 декабря 1918 г. // Документы

А вот иметь дело с симбиозом разнородных антибольшевистских сил, которые союзники и Вашингтон поддерживали, им становилось все сложнее. На белых генералов, самой логикой Гражданской войны выдвинутых на главные роли, за океаном смотрели как на крайне консервативную силу, стремившуюся вернуть Россию к дореволюционному порядку. Переворот 18 ноября в Омске такое их восприятие только усилил. «Осколки» партий умеренно-социалистических, не представлявших реальной силы, большого интереса для Вашингтона не вызывали. Для него неясно было, что делать с сформировавшимися на окраинных землях бывшей Российской империи — в Прибалтийском регионе, в Украине и Белоруссии, в Закавказье — национальными правительствами и республиками, отказывавшимися подчиняться «большевистскому центру» и претендовавшими на помощь держав в обретении независимости. Тем более, что русские белые силы решительно отстаивали идею территориальной целостности Российского государства¹⁰.

Вот почему Вильсон и его советники в преддверии мирной конференции уделили этой проблеме столь большое внимание. Вильсон колебался между желанием остаться верным принципу неразделенности России или следовать идее «самоопределения народов»¹¹.

Полковник Э. Хауз, как и выражавшие его мысли либеральные журналисты У. Липпман и Ф. Кобб, были склонны признать распад Российского государства свершившимся фактом. Оба журналиста в представленном в октябре пространном комментарии к «14 пунктам» предлагали, вслед за возрождением независимой Польши, одобрить самостоятельность финнов, литовцев, латышей и, «возможно», украинцев. Кавказ, «вероятно», предстояло рассматривать как часть проблемы Турецкой империи, а на «мусульманскую Россию» (т.е.

внешней политики СССР. М., 1957. Т. I. С. 628–630. (Далее: ДВП СССР.) Президент с ней ознакомился: From M.M. Litvinov to W. Wilson. December 24, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 492–494.

¹⁰ См.: *Листиков С.В.* Белые дипломаты о «русской политике» западных держав // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1914–1939. М., 2011. С. 153–168; *Шмелев А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919). СПб., 2017. С. 15–48; *Юренко Е.С.* Вильсон и Белая Россия: отношение правительства США к проблеме дипломатического признания и поддержки антибольшевистских правительств России в 1917–1920 гг. Хабаровск, 2016.

¹¹ Отметим, что уже в посвященном России пункте 6 своей знаменитой программы «14 пунктов» от 8 января 1918 г. Вильсон не высказал четкой позиции по поводу территориальной целостности России. См.: Речи Президента Вильсона. Условия всеобщего мира, предложенные Американским Президентом Вильсоном. Речь в конгрессе 8 января 1918 г. Американское бюро печати. М., 1918. С. 8.

Среднюю Азию) было желательно предоставить «ограниченный мандат для управления на основе протектората» какой-нибудь державе. Антибольшевистским же правительствам России и Сибири предстояло признать новые унижительные для них реалии.

При этом Ф. Кобб и У. Липпман предупреждали западных политиков о возможных сложностях переустройства бывшей империи. Речь шла о межэтнических конфликтах на территориях новообразованных малых государств, а также об угрозе распространения большевизма на окраинные районы бывшей Российской империи, которые были захвачены германскими войсками в годы войны и которые они после поражения должны были покинуть. Э. Хауз согласился с проектом Липпмана и Кобба. А Вильсон ушел от определенных оценок, назвав комментарий только «примерными предложениями»¹².

И все же рекомендации хаузовских экспертов проникли глубоко, если Вильсон 20 ноября 1918 г. порадовал госсекретаря Р. Лансинга такими размышлениями: не будет ли разумным в своей политике учитывать «нынешнее, по крайней мере, временное расчленение России на пять частей — Финляндию, Балтийские провинции, европейскую Россию, Сибирь, Украину»¹³. Госсекретарь имел иную точку зрения, нежели Э. Хауз, и считал борьбу антибольшевистских сил за единство государства праведной. В ответе президенту 26 ноября Лансинг напоминал: США «постоянно отказывались признавать сепаратистские движения или правительства», заявляли, что хотели «послужить России, а не использовать ее». Госсекретарь призвал президента избегать скоропалительных решений, его послание было проникнуто мыслью, что распад России мог действительно быть лишь временным явлением¹⁴. И все же, отправившись в Европу, Вильсон в своем подходе не определился. Врач президента К. Грейсон зафиксировал слова, произнесенные им 8 декабря: он видел устройство бывшей Российской империи на началах самоопределения составлявших ее народов¹⁵. Посол в США

---

¹² Архив полковника Хауза (дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914–1919 гг.): в 4 т. / Подг. Ч. Сеймуром. М., 1937–1944. Т. 4. С. 151–153; W. Wilson to E. House. October 30, 1918 // PWW. Vol. 51. P. 511.

¹³ W. Wilson to R. Lansing, with enclosure. November 20, 1919 // PWW. Vol. 53. P. 136.

¹⁴ R. Lansing to W. Wilson. November 21, 1919 // PWW. Vol. 53. P. 151–153; US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919: In 13 Vols. Wash., 1942–1947. Vol. 1. P. 270–271. (Далее: FRUS. PPC.); Фоглесонг Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 603–604.

¹⁵ From the Diary of Dr. Grayson. December 8, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 338.

Б.А. Бахметев вполне адекватно оценил метания президента, отметив: «у Американского Правительства нет сколько-нибудь устоявшегося мнения»¹⁶.

Не решил для себя Вильсон и болезненный для русских антибольшевицких сил вопрос об их представительстве на мирной конференции. С одной стороны, уже 30 октября 1918 г. глава Белого дома назвал «крайне нежелательным» присутствие на мирной конференции представителей претендовавших на независимость «не осознавших свои интересы национальностей» с территории бывшей Российской империи. И, как свидетельствовало послание Р. Лансину от 20 ноября 1918 г., задумывался о приглашении в Париж дипломатов Омского правительства (Директории). Со своей стороны, госсекретарь подталкивал патрона именно к такому решению. В конце ноября он отметил, что делегации от властей, представлявших «существующие элементы правопорядка в России», следовало принять и благожелательно выслушать на конференции по затрагивавшим интересы их страны вопросам. Причем «русскую проблему» нужно было бы выделить в особую «секцию» для всестороннего обсуждения. Но после военного переворота в Омске и отстранения Директории от власти вопрос о русском представительстве оставался для президента открытым¹⁷. В этом мнении заокеанского и европейских лидеров совпали.

Настрой президента против иностранной интервенции как предприятия бесперспективного стал вполне определенным. По пути в Париж после разговора с ним молодой дипломат У. Буллит сделала вывод, что Вильсон «не рассматривает возможности дальнейшего наступления на большевиков». Девятого января 1919 г. в послании Р. Лансину Вильсон высказался весьма четко: никому не удастся вовлечь Соединенные Штаты «воевать против народов, с которыми США находятся в состоянии мира и чьи отношения США пытаются уладить»¹⁸. Президент, даже участвуя в «русской драме» на стороне антибольшевицких сил, все же пытался представить свою роль в ней как непредвзятого судьи, «миротворца».

О желании Вильсона добиться вывода американских войск из Мурманска и Архангельска, а затем и Сибири — чему мешали скорее не большевики, а поведение усиливавших экспансию японцев —

---

¹⁶ Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову. 21 октября 1919 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3528. Л. 76. (Далее: АВПРИ.)

¹⁷ W. Wilson to E. House. October 30, 1917 // PWW. Vol. 51. P. 511; A Memorandum. Secret. Imperial War Cabinet 47. Draft Minutes of a Meeting... December 30, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 561; FRUS. PPC. Vol. 1. P. 271.

¹⁸ From the Diary of W.C. Bullitt. December 10, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 352; W. Wilson to R. Lansing. January 9, 1919 // PWW. Vol. 53. P. 700.

рассказывал Имперскому военному кабинету 30 декабря Д. Ллойд Джордж по результатам консультаций с заокеанским лидером. Такой решительный настрой Вильсона определялся поддержкой позиции президента людьми из его ближайшего окружения, высшими военными чинами — Н. Бейкером, американским представителем в Высшем Военном Совете союзников генералом Т. Блиссом и начальником штаба армии генералом П. Марчем. В конце ноября 1918 г. Н. Бейкер напомнил президенту, что мировая война завершилась и «американским парням» пора возвращаться домой. А они, наоборот, могли быть втянуты японцами (численность контингента которых уже перевалила за 70 тыс. человек) и белыми во внутренние русские распри. Военный министр признавался, что не любил большевиков. Но если их власть принимали русские, то их выбору мешать не следовало, — размышлял Бейкер. Мысль была очевидна: войска из России пора убирать¹⁹.

Если так, то что Вильсон намеревался предложить как альтернативу интервенции? Во-первых, попытку диалога с большевиками. На упомянутом заседании Имперского военного кабинета 30 декабря британский премьер привел слова президента: «Мы должны спросить г-на Литвинова более официально и определенно, каковы были его предложения». Премьер подхватил мысль, отметив: хотелось бы «знать более точно, что большевистское правительство было бы готово сделать»²⁰.

Выяснив открывавшиеся возможности, следовало попытаться усадить московских «товарищей» и их противников за стол переговоров и убедить прекратить кровопролитие. Этот «рецепт» президент извлекал из опыта своей политики в 1914–1917 гг. в отношении революционной Мексики; между событиями в этой стране и в России в период внутренней смуты Вильсон считал уместным проводить параллели. В октябре 1918 г. он отметил:

«Моя политика в отношении России очень похожа на мексиканскую политику. Я верю, что нужно дать им возможность найти собственный путь к спасению, даже если им придется на время погрузиться в анархию. Мне это видится так: множество невозможных людей, сражающихся между собой. С ними невозможно иметь дело. А потому ты за-

---

¹⁹ N. Baker to W. Wilson. November 27, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 227–229; A Memorandum. Secret. Imperial War Cabinet 47. Draft Minutes of a Meeting... December 30, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 560.

²⁰ A Memorandum. Secret. Imperial War Cabinet 47. Draft Minutes of a Meeting... December 30, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 561.

крываешь их в комнате, запираешь ее и говоришь им, что когда они договоятся между собой, ты будешь иметь с ними дело»²¹.

Нетрудно заметить в выступлении президента смутные очертания плана изоляции пораженной внутренним раздором и большевизмом России посредством пояса враждебных ей государств и правительств, который на мирной конференции оттачивали и активно продвигали французские и британские политики («санитарный кордон», «окружение»). Сам Вильсон по наиболее важным, «болевым точкам» «русского вопроса» вез в Париж только наработки, далекие от завершенности. Накануне дискуссий с европейскими коллегами президент избегал что-либо кардинально менять.

Так что Вильсон был готов нащупывать какие-то формы диалога с «ленинцами» по поводу охваченной Гражданской войной России. Но проблема большевизма переросла ее границы, звучала крайне болезненно в ракурсе международного влияния крайнего леворадикального эксперимента — в условиях нарастающего в Европе цивилизационного кризиса, усиления социально-политической нестабильности. Что особенно беспокоило правящие европейские элиты, которым, несмотря на огромную усталость после напряжения и потерь Первой мировой войны, пришлось собираться с силами для борьбы с новым смертельным врагом²².

Не случайно Э. Хауз в конце октября в Париже интересовался у Д. Ллойд Джорджа и Ж. Клемансо, насколько серьезна угроза распространения большевизма в странах-победительницах. И получил ответ, весьма далекий от успокаивающего. Хотя настрой премьеров был таков, что в борьбе с этой «заразой» Англия и Франция справятся. По поводу Италии существовали сомнения²³. Тогда что же говорить о расшатанных социальной турбулентностью других частях Старого Света?

Картину нарастающих там хаоса и смуты рисовал Вильсону в ряде документов изучавший тему У. Буллит. В наиболее ярком от 2 ноября он писал: после вывода немецких войск с территории Прибалтики, Украины и Польши там ожидалась «вспышка» большевизма. В Болга-

---

²¹ A Memorandum by Sir W. Wiseman. Notes of an Interview with the President at the White House. October 16, 1918 // PWW. Vol. 51. P. 350.

²² Д. Ллойд Джордж признал: «В союзных странах, особенно среди имущих классов, давала себя чувствовать неукротимая ненависть, порожденная неподдельным страхом перед большевизмом. Но только немногие — очень немногие — в этих странах были готовы начать новую войну, даже для того, чтобы подавить ненавистное им учение». См.: *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 277.

²³ E. House to W. Wilson. October 30, 1918 // PWW. Vol. 51. P. 515–517.

рии «крестьянская республика» во главе с А. Стамболийским «может стать, а может и не стать» большевистской. В Турции анархия, Константинополь «на грани голодания». В Хорватии вследствие дезорганизации австро-венгерской армии банды солдат терроризировали население. «Анархия угрожает всей западной части» бывшей Дунайской империи. В Австрии возглавивший правительство умеренный социалист В. Адлер с трудом сдерживал более радикальных лидеров. В Вене был создан Временный солдатский комитет, а вернувшиеся из плена в России и там «впитавшие большевизм» агитаторы будоражили население. Над Чехией нависла «угроза большевизма», который питал не «радикальный социализм», а страх надвигавшегося голода. Будапешт пережил «серьезные массовые выступления», хотя они «еще не стали большевистскими». В Германии Меринг, Либкнехт и другие «ультра-радикалы» призывали немецкий пролетариат к «немедленному осуществлению революции». Приходили сообщения, что большевистские агенты везли «миллионы долларов» для пропаганды своих взглядов во Францию и Италию. В Милане рабочие организации призывали к всеобщей стачке, которая «по характеру будет большевистской». Во французской социалистической партии «полубольшевикам» во главе с Ж. Лонге, ранее составлявшем меньшинство, удалось поставить партию под контроль. В Англии и в Южном Уэльсе горняки готовили стачку, намеченную на 18 ноября 1918 г.

Основными источниками распространения большевизма в Европе автор называл дезорганизацию власти и недостаток продовольствия²⁴. Отметим, что в документе Буллита степень угрозы большевизма народам Европы преувеличивалась, к его признакам было отнесено все то, что создавало состояние хаоса и напряжения в обществе. Трезвые оценки реальных вызовов переплетались с фантомами, которые подсказывало воображение политиков.

Вильсон выступал решительно против того, чтобы Москве было позволено навязывать свои леворадикальные идеи народам Европы. Там строились те защитные линии против большевизма, которые оберегали и благополучие граждан Америки и которые никак нельзя было сдавать. Свое беспокойство В. Вильсон выразил в середине октября, заявив: «Призрак большевизма затаился везде, и для него нет более благодатной почвы, чем усталость от войны» миллионов людей. Их «серьезное недовольство» распространено по всему миру. «Очевидные симптомы» этой болезни проявились и в США, «хотя

---

²⁴ A Memorandum by W.C. Bullitt. Memorandum for Mr. Lansing. November 2, 1918 // PWW. Vol. 51. P. 563–568.

еще и не стали опасными»²⁵. Причем вильсонисты, озаботившись будущим народов Старого Света, были готовы внести и свою лепту и поучаствовать в мобилизации усилий местных правящих элит на борьбу с новым «мировым злом». Для этого сознательно накаляли атмосферу. Восьмого января 1919 г. Э. Хауз записал в дневнике: «Я попытался испугать не только президента, но и англичан, французов, итальянцев тем, что можно было бы назвать “русской угрозой”, и мне это частично удалось. Лично я на самом деле не верю, что она столь опасна, как я говорил им об этом»²⁶.

Но американцы осознавали, что их участие в противодействии распространению большевизма в Европе, где, как считалось, после 11 ноября 1918 г. наступил мир, требовало более гибких подходов, чем в России. Добавим, что вашингтонские политики извлекали уроки из опыта «русской политики» 1917–1918 гг. Они увязывали свои действия с вильсоновским видением устройства послевоенного мира и той ролью, которая отводилась в нем США, с тем «идейным багажом», который президент вез народам Старого Света.

Вильсон предлагал им «новую дипломатию» и ее наиболее яркое выражение — «14 пунктов». Другая цельная программа либерального мироустройства отсутствовала. «Новую дипломатию» поддержали многие видные европейские либералы и социал-демократы, миллионы простых людей, размышлявших об ужасах пережитой войны в духе: «это не должно повториться». Их поддержка могла стать слагаемым большого внешнеполитического успеха президента, который стал бы значимым доводом в споре с «доброжелателями» внутри собственной страны.

Другое послание Вильсона европейцам было не менее весомым и непосредственно касалось угрозы со стороны большевиков. Ведь именно они пропагандировали идею фундаментальных общественных изменений посредством радикальных революций и социальных потрясений. Вильсон же предлагал избежать этих «эксцессов», хотя и признавал, что буржуазное общество, разумное в своей основе, имело немало язв. Но американский лидер был уверен, что они устранялись посредством глубоких реформ, «капитального ремонта» существовавшей общественной системы. Как альтернатива большевизму и образец для подражания выдвигалась заокеанская модель. По Вильсону Америка для народов Европы являла собой образец совершенствовавшейся передовой демократии, где каждый мог посредством упорного труда достичь преуспевания.

---

²⁵ A Memorandum by Sir W. Wiseman. Notes of an Interview with the President by Sir William Wiseman, October 16., 1918 // PWW. Vol. 51. P. 347.

²⁶ From the Diary of E. House. January 8, 1919 // PWW. Vol. 53. P. 694.

И эту линию поддержки вильсоновской дипломатии желательно было усилить поездками в Европу видных представителей либеральной мысли США, которые посредством контактов с единомышленниками из числа местной интеллигенции популяризировали бы американские инициативы. В Париже Э. Хауз хотел бы видеть публицистку А. Тарбелл, хорошо знавшую национальный характер и институты французского общества. Она заменила бы журналиста Р.С. Бейкера, который уже уехал в Италию с подобной миссией²⁷.

Как отметил следовавший с президентом в Париж военный Р. Фосдик, Вильсон был «ярко выраженным либералом». А либерализм — «единственная вещь, способная спасти цивилизацию от хаоса, от потока ультра радикализма, который затопит мир». Но чтобы решить эту непростую задачу в условиях нарастающей в Европе социальной напряженности, самому Вильсону и его идеям предстояло еще более «полеветь». Фосдик высказывал весьма разумную мысль: либерализму придется быть «даже более либеральным», чем ранее, даже «может быть радикальным»²⁸. По существу, речь шла о том, чтобы найти пути к сотрудничеству с вождями умеренного крыла европейской социал-демократии для борьбы с общим врагом — большевизмом. Следовало извлечь уроки из горького опыта «русской политики» в 1917 г., когда вильсонисты из-за предубеждений против «левых» не захотели «навести мосты» с реформистскими лидерами Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, что не могло не сказаться негативно на их борьбе с большевиками. Год спустя «самое бережное» отношение к социал-демократам стран Старого Света предлагал У. Буллит²⁹. Отметим, что эта мысль была свойственна наиболее продвинутым американским политикам и дипломатам.

В период мировой войны Вильсон и его окружение старательно создавали и лелеяли образ США и их лидера как новых моральных лидеров народов. Это, однако, налагало на президента и его коллег по делегации весьма серьезные ограничения в выборе средств участия США в «умиротворении» Европы. Для них было невозможно представить участие американских войск в силовых акциях «сдерживания большевизма» в Европе. Э. Хауз признал, что обсуждал с Ж. Клемансо вопрос «о большевизме в России и его марше на запад». «Я заставил его признать, что военная интервенция невозможна», — попытожил советник президента. Позднее он склонил к той же мысли и В. Орлан-

---

²⁷ E. House to W. Wilson. November 18, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 123.

²⁸ From the Diary of R. Fosdick. December 11, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 366.

²⁹ A Memorandum by W. C. Bullitt. Memorandum for Mr. Lansing. November 2, 1918 // PWW. Vol. 51. P. 566–567.

до³⁰. С учетом нараставшего в США неприятия интервенции в России, о возможности подобных действий еще и в странах Старого Света и подумать было трудно. Фактически, Вашингтон навязывал европейцам им же установленные правила «разделения труда» в борьбе с «мировым злом», оставлял им самую грязную работу. А те, как подтвердили события 1919 г., в средствах не стеснялись: вспомним подавление Венгерской Советской Республики войсками Чехословакии, Румынии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев; физическое устранение политических оппонентов, включая и наиболее видных — К. Либкнехта и Р. Люксембург в январе 1919 г.

Белый дом предпочел использовать цивилизованные средства. Речь шла и о качественной дипломатии, опиравшейся на действия, которые Э. Хауз именовал «политической разведкой». В середине ноября 1918 г. он отметил, что плохо осуществлялись сбор и анализ информации о динамичных событиях в Польше, Украине, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Албании, югославянских землях, Греции и Турции, сведения были «очень неполными», попадая к американцам через «третьи руки». А потому Вильсон и его команда не могли использовать их для принятия ответственных решений. Хауз ставил вопрос о создании собственной организации «политической разведки» за счет привлечения к работе офицеров из состава находившихся в Европе воинских частей США, а также дипломатов, работавших на местах и владевших ситуацией. В первую очередь это касалось «горячих точек» Европы, где социальные движения грозили выйти из-под контроля. Информационные материалы должны были стекаться в специальный отдел в Париже, возглавить который мог Дж. Грю³¹.

Желание Вильсона говорить с народами Европы на языке «новой дипломатии», нередко и через «головы правительств», проявилось и при формировании делегации на мирный конгресс. В ее официальную часть вошли пять человек — сам президент, Э. Хауз, госсекретарь Р. Лансинг, генерал Т. Блисс, а также уже покинувший дипломатическую службу республиканец Г. Уайт (его предпочли другим постольку, поскольку он мог не только символизировать единение политических сил США вокруг президента, но и, в силу отсутствия амбиций, — он не должен был мешать главе делегации работать). С Вильсоном ехали молодые дипломаты и военные вроде У. Буллита и Р. Фосдика, разделявшие новаторские вильсоновские идеи, а также многие крупные ученые, преимущественно работавшие в «Инквайри», на квалифици-

---

³⁰ From the Diary of E. House. January 8, 1919 // PWW. Vol. 53. P. 694.

³¹ E. House to W. Wilson. November 12, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 56–57. Дж. Грю — генеральный секретарь Американской Комиссии по Выработке Мирного Договора.

рованный совет которых президент США мог бы опереться. Они везли с собой много справочной литературы и документов³².

Но даже в общении с этими людьми Вильсон, не в силах преодолеть особенности своей натуры, оставался скрытным. Поэтому по пути в Париж У. Буллит вполне оправданно обратил внимание президента на неестественность положения, при котором накануне мирной конференции многие советники и эксперты американской делегации не были осведомлены, с какими планами и наработками решений отправился в Европу их лидер. Что не могло не породить «циничного и скептического» отношения к предприятию. Вняв призыву, Вильсон на следующий день дал пространное интервью членам своей команды, раскрыв свое видение ряда ключевых вопросов мирного урегулирования, включая и «русскую тему»³³.

Наиболее действенным вкладом американцев в борьбу с большевизмом в Европе стало предоставление ее народам продовольственной помощи. В годы Первой мировой войны этим делом с успехом занимался и заработал самую высокую репутацию мастера гуманитарных операций политик и предприниматель Г.К. Гувер. В 1917–1918 гг. по назначению президента он возглавлял Продовольственную администрацию США и прекрасно справился с работой³⁴. Гувер и Вильсон имели во многом сходное видение лидирующей роли США в послевоенном мире и фактора экономической мощи в ее достижении. Убежденный противник большевизма, Г. Гувер из «русского опыта» вынес убеждение, что от его питательной среды — недовольства людей тяжелыми условиями жизни — следовало избавляться прежде всего посредством поставок населению продуктов питания и предметов первой необходимости. Причем

---

³² См.: From the Diary of W.C. Bullitt. December 10, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 350–353; C. Day to E. Day. December 11, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 367–368; *MacMillan M.* Op. cit. P. 13–14. Среди ученых, отправившихся с президентом в Париж, У. Буллит назвал И. Боумана, главу Американского географического общества, специалиста по проблемам Польши и России; В.Е. Луна из Корнельского университета, изучавшего Италию; Ч.Х. Хастингса из Гарварда, ведавшего вопросами Северной и Западной Европы; Г.Л. Бира, выступавшего экспертом по проблемам Африки и колоний; С.Х. Хорнбека из Университета штата Висконсин, знатока темы Дальнего Востока. Отметим, что список этот был далеко не полон.

³³ From the Diary of W.C. Bullitt. December 10, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 350.

³⁴ Получивший прекрасное образование и опыт успешной работы в известных горнодобывающих компаниях США, Австралии, Китая, России, Г. Гувер возглавлял лондонский Американский комитет помощи (1914–1915), Комиссию помощи Бельгии (октябрь 1914 г. — 1918 г.). См.: *Who's who in America* / Ed. by A.N. Marquis. Vol. XI. 1920–1921. Chicago, 1921. P. 1385. О гуманитарных операциях под руководством Г. Гувера по завершению Первой мировой войны см.: *Chavez L. H.* Hoover and Food Relief. An Application of American Ideology. Ann Arbor (MI) 1978.

именно из Америки, поскольку иные источники были скудны. Гувер не скрывал политической направленности своих начинаний, указывая на главных врагов — хаос, смуту и левый радикализм³⁵.

Гувер, как и Вильсон, не испытывал большого доверия к старым европейским элитам, новаторских подходов к социальным конфликтам не обнаруживавшим. Он готов был противодействовать попыткам антантовских политиков поставить свою гуманитарную деятельность под контроль совместными проектами финансирования или доставки гуманитарной помощи. Гувер хотел продавать народам привлекательный образ заокеанской республики в упаковке из гуманитарной помощи.

Разрабатывая планы американской помощи, Г. Гувер весьма дифференцированно относился к нуждавшимся в ней государствам. Если союзников и «только что освободившиеся» страны — Бельгию, Сербию, Румынию, Польшу и ряд других — следовало снабдить средствами для закупки и доставки продовольствия, то проигравшим в войне предстояло самим изыскать финансовые средства и привлечь для перевозок собственный флот.

Гувер сумел расположить к своим начинаниям даже ту часть американских политиков, которая была настроена по отношению к вильсоновцам оппозиционно, размышляла, стоит ли после завершения войны выделять средства для помощи Европе. Среди аргументов убеждения были торговая экспансия, важные шаги по завоеванию европейских рынков, что могло стать куда более прибыльным, чем вложение тех 100–200 млн долл., которые Гувер просил у законодателей на гуманитарные операции за океаном. «На кону» было и благополучие американских фермеров, заготовивших продукты на многие месяцы вперед (особенно скоропортящиеся, вроде свинины) и не ожидавших столь скорого завершения войны. Без их реализации в Европе фермеры могли понести немалые убытки, что не могло не вызвать их недовольства. Сочетание этого недовольства с протестом рабочих, нараставшим по мере обострения их отношений с предпринимателями, могло негативно сказаться на сохранении социальной стабильности в обществе. Вильсон по достоинству оценивал ум и усердие Гувера, назначив его в январе 1919 г. Генеральным Директором американских программ помощи Европе³⁶. Так, накануне Парижской мирной конференции

---

³⁵ H. Hoover to W. Wilson. November 9, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 15–16; December 20, 1918 // Ibid. P. 452–453, etc.

³⁶ H. Hoover to W. Wilson. November 9, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 14–16; L. Straus to G. Fairchild, with Enclosures // Ibid. P. 648–651; From H. Hoover to W. Wilson, with Enclosure. January 8, 1919 // Ibid. P. 687–690; W. Wilson to H. Hoover. January 11, 1919 // Ibid. P. 714.

в сознании американских лидеров рождался прообраз «мягкой силы», пригодной для борьбы и с большевизмом, и за завоевание лидирующих позиций в мире.

Продовольственная помощь Европе казалась некоторым американским политикам столь универсальным средством решения этих задач, что они готовы были на время забыть о партийно-политические разногласия. Упомянутый Г. Уайт призывал одного из лидеров республиканской партии Г.К. Лоджа поддержать президента в стремлении «накормить Европу». В словах Г. Уайта слышались панические нотки: «Я боюсь, что уже поздно останавливать большевизм в России или Польше. Но еще есть надежда сделать Германию и Румынию надежным барьером (против его распространения. — *С.Л.*)»³⁷.

Таких точек соприкосновения между вильсонистами и их консервативными оппонентами было, однако, немного. Настрой последних Р. Фосдик передал словами: «Бойся любых изменений и, когда пребываешь в сомнениях, посоветуйся с бабушкой». Видимо, такую направленность мыслей и действий заокеанский лидер считал характерными и для ведущих лидеров европейских держав, которых оценивал весьма невысоко. По свидетельству У. Буллита, Вильсон в кругу доверенных лиц именовал Д. Ллойд Джорджа «беспринципным человеком», Ж. Клемансо — «стариком, слишком старым, чтобы воспринимать новые идеи», В. Орландо — «реакционером чертовым»³⁸. Добавим, что сам Вильсон, человек глубоко верующий, считал свою миссию создания справедливого миропорядка направлявшейся волей Божьей. Как политика и ученого, участие в мирной конференции было для лидера США интеллектуальным состязанием с европейскими коллегами.

Думается, своих оппонентов «заокеанский пророк» явно недооценивал. Если США руководил человек, несомненно, незаурядный, то и в европейских политических элитах тотальная война произвела «естественный отбор», выдвинув на первые роли достойнейших. Д. Ллойд Джордж, Ж. Клемансо, В. Орландо стояли во главе коалиционных кабинетов, выражавших предпочтения большинства граждан³⁹. Они ис-

---

³⁷ H. White to H.C. Lodge. January 8, 1919 // PWW. Vol. 53. P. 692.

³⁸ From the Diary of R. Fosdick. December 11, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 366; From the Diary of W. Bullitt. December 11, 1918 // Ibid. P. 366–367.

³⁹ На заседании Имперского военного кабинета в конце декабря 1918 г. премьер-министр Австралии У.М. Хьюз весьма дипломатично высказал жесткую мысль в адрес президента США. Британское правительство, отметил он, было сформировано по результатам проведенных в конце 1918 г. выборов и тем самым выражало мнение большинства народа. А вот у В. Вильсона после поражения его партии на ноябрьских выборах 1918 г. такой кредит доверия отсутствовал. См.: A Memorandum. Secret. Imperial War Cabinet 47. Draft Minutes of a Meeting... December 30, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 565.

кали ответ на запросы взбудораженных войной миллионов людей, одновременно отстаивали интересы правящих элит и традиционные ценности, преемственность и стабильность общества. При этом они вполне разделяли широко распространенные в странах-победительницах националистические настроения и требования наказать виновников войны — Германию и ее союзников, возместив за их счет свои страшные потери.

Руководители европейских держав резко отрицательно относились к попыткам Вильсона представить себя как новым Мессией, так и к его претензиям на глобальное лидерство США. Вспомним не лишнюю сарказма характеристику, данную заокеанскому лидеру У. Черчиллем:

«Он вступил в борьбу свежим, сохранял хладнокровие и казался бесстрастным судьей, провозглашающим свои решения среди страшного и безумного спора. Возвышаясь над всеми перипетиями конфликта, говоря величественно и просто, прекрасно умея играть на народных чувствах, располагая безмерной и еще не исчерпанной мощью, он казался измученным и усталым бойцом как бы вестником с другой планеты, ниспосланным для восстановления на земле свободы и справедливости»⁴⁰.

На самом деле участие США в Первой мировой войне на ее завершающем этапе ни правители, ни народы стран Антанты, понесшие несопоставимо больший урон — и в людях, и материальный⁴¹ — не могли считать полноценным. Весомая материальная поддержка США союзников — выделение кредитов, производство и доставка товаров несли на себе немалый налет эгоизма и стяжательства. Поскольку ссуженные американцами деньги предстояло возвращать с процентами. Закупки в тех же США товаров на одолженные европейцам деньги стимулировали рост производства и благоденствия граждан заокеанской республики. Так что Вильсон проповедовал самые высокие идеалы, а правящая элита США о прибылях не забывала, как и о возрастающей зависимости от Америки европейских народов.

---

⁴⁰ Черчилль У. Мировой кризис / Пер. с англ. М., 1932. С. 60.

⁴¹ Тринадцатого сентября 1919 г. В. Вильсон, отстаивая перед гражданами Америки необходимость участия США в Лиге Наций для предотвращения новой глобальной войны, говорил о страданиях народов Европы в Первой мировой войне. Он называл такие цифры безвозвратных потерь стран-участниц: Россия — 1,7 млн жизней; Германия — 1,6 млн, Франция — 1385 тыс., Великобритания — 900 тыс., Австро-Венгрия — 800 тыс., Италия — 364 тыс.; США замыкали список с 50 300 человек. См.: An Address at Tacoma. September 13, 1919 // PWW. Vol. 63. P. 243.

В партии с В. Вильсоном за столом переговоров у лидеров Антанты на руках были свои козыри. Они справедливо считали себя внесшими решающий вклад в победу и не утратили привычки верстать миропорядок «без посторонних». На них работал многовековой опыт традиционной, силовой дипломатии и секретных соглашений, от выполнения обязательств по которым европейские партнеры даже в присутствии Вильсона отказываться не намеревались. Самой сильной сухопутной армией, учитывая приобретенный кровью опыт, была французская, а самым мощным военным и торговым флотом располагала Великобритания. Присутствие ее интересов во всех уголках света делало ее единственной по-настоящему мировой державой, а ее дипломатов — уникальными знатоками глобальных проблем. Финансовым центром мира оставался Лондон. Экономика европейских стран-победительниц, в годы Первой мировой войны изрядно потрепанная, оставалась сильным конкурентом быстро набиравшей темпы американской. В конкурентной борьбе с США европейские державы опирались на свои колониальные владения, зависимые народы и сферы влияния, которые после победы над Четверным Союзом они надеялись увеличить. Прагматичные лидеры держав Антанты осознавали свою силу, цели и готовились дать Вильсону бой.

Не то чтобы они после пережитого человечеством кошмара войны, получивших и во властных элитах широкую поддержку идей создания Лиги Наций, самоопределения народов отвергали необходимость новаций в сфере международных отношений, хотя бы и в умеренных дозах. Другое дело, что В. Вильсон ставил эти новые принципы в центр своей концепции и был готов на них настаивать. Лидеры стран Старого Света воспринимали эти идеи пока как предмет для эксперимента, еще не доказавший практической пригодности. Традиционные военно-политические союзы, армии и флот, секретные соглашения были надежнее.

С учетом всех этих преимуществ оппонентов над Вильсоном их противостояние, скорее всего, не могло закончиться для последнего ничем хорошим. Это чувство посетило некоторых людей из ближайшего окружения президента еще до начала мирной конференции. Двенадцатого ноября Р. Лансинг размышлял о том, что президенту не следовало на переломном для страны этапе перехода от войны к миру ее покидать. Госсекретарь считал, что личное участие Вильсона в конференции сужало возможность его маневра в дискуссиях с другими переговорщиками, он мог утратить с таким трудом завоеванную репутацию миротворца и идеалиста. Р. Лансинг осмелился назвать его решение отправиться в Париж «неразумным», «ошибкой». Ответом был неприязненный взгляд, в котором читалась обида.

Р. Лансинг почувствовал, что утрачивал доверие Вильсона и, может быть, даже не будет включен в состав делегации на конференцию. Но был доволен тем, что нашел мужество выполнить свой долг⁴².

Так, в преддверии Парижской мирной конференции над Вильсоном сгустились тучи. Внутри Соединенных Штатов консервативная волна не спадала, а сторонники президента выглядели ослабленными. В Париже Вильсона ждало соперничество с плеядой блестящих политиков, имевших верные шансы остаться непревзойденными.

У самого Вильсона не было законченного видения многих мировых проблем, о чем свидетельствовали наработки по «русскому вопросу». Мешали пульсировавшая, противоречивая мысль ученого, пытавшегося охватить все тонкости проблемы, динамику событий, для чего зачастую не хватало объективной информации и, главное, адекватного понимания далекой страны американским пуританином с иным мировосприятием. В результате острых дипломатических дискуссий с европейскими партнерами в Париже решения обретали форму компромисса, отступления от заявленных ранее (прежде всего в «14 пунктах») идеальных позиций, что республиканцами в Америке подавалось не иначе, как внешнеполитическое фиаско президента.

Вильсон, как нам представляется, переоценивал свои возможности влиять на развитие мировых процессов, опираясь на возрастающую силу США и авторитет собственных идей — пусть прогрессивных и передовых, но еще не ставших «руководством к действию» для европейских властных элит и народов, не вошедших в их плоть и кровь. Трагедия президента США была в том, что он опередил свое время и остался «непонятым пророком», говоря словами видного советского ученого-американиста Н.Н. Яковлева, «преступившим грань» великим американским президентом.

Самого Вильсона уже на пути в Париж будоражила мысль: что случится с человечеством, если ему не удастся добиться мира на основе «высочайших принципов справедливости»? Тогда, по логике президента, народы ждали возвращение к старому, несправедливому миропорядку, который уже однажды столкнул их в пучину глобальной катастрофы. И она могла повториться не позднее, чем через поколение, — пророчествовал Вильсон. Тогда ему самому оставалось только удалиться на о-в Гуам или в место «еще более отдаленное» и с горечью наблюдать, как «не просто конфликт, а катаклизм» будет

---

⁴² A Memorandum by R. Lansing. November 12, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 65–66. Помимо Р. Лансинга, предупреждения против личной поездки Вильсона в Европу прозвучали от его секретаря Дж. Тумулти и личного врача Г. Грейсона. См.: *Ferrell R. Woodrow Wilson and World War I. 1917–1921. N.Y., 1985. P. 136.*

пожирать миллионы людей⁴³. Для сонма вильсоновских оппонентов его идеи казались несбыточными грезами и выражением болезненного самомнения. Однако для Вильсона они были конкретной программой действий, отторжение которой в Париже могло толкнуть человечество к новой кровавой бойне.

---

⁴³ From the Diary of W. C. Bullitt. December 10, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 352.